

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16323

EDN: VZLVAO

Миф о народе в драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы»

А. С. Собенников

независимый исследователь

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: assoben52@mail.ru

Аннотация. Миф о народе — один из главных аксиологических мифов русской литературы. В произведениях Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, писателей-народников русские крестьяне представлены как лучшая часть нации. В пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы» на уровне фабулы создается иллюзия разрушения мифа (власть денег, прелюбодеяние, убийство ребенка). Но Толстого интересует не само преступление, а причины, которые к нему привели. Никита оторван от крестьянского мира. Жизнь вне семьи, артельная жизнь, способствовала первому моральному падению героя. Это — правда социально-экономическая. Но автор ведет читателя и зрителя от правды социально-экономической, правды отношений полов к правде Божьего суда. Носителем этой правды становится Аким, в котором прослеживаются черты русской святости (аскеза, юродство). Покаяние Никиты тоже дано в аспекте мифа о народе, как и молчание крестьян. Покаяние — первый шаг к обновлению и очищению грешника. Таким образом, в драме «Власть тьмы» Толстой не разрушает миф о народе, он встраивает его в новую социально-экономическую реальность Российской империи.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Власть тьмы», аксиология, миф, народ, правда, святость

Для цитирования: Собенников А. С. Миф о народе в драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 1. С. 140–155. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16323. EDN: VZLVAO

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16323

EDN: VZLVAO

A Myth of the People in Leo Tolstoy's Drama “The Power of Darkness”

Anatoly S. Sobennikov

Independent Researcher

(Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: assoben52@mail.ru

Abstract. The myth of the people is one of the main axiological myths in Russian literature. In the works of D. V. Grigorovich, I. S. Turgenev, N. A. Nekrasov, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, and narodnik writers, the Russian peasants are portrayed as the best part of the nation. In Leo Tolstoy's play, the plot creates the illusion of this myth's destruction (the power of money, adultery, and child murder). But Tolstoy is not interested in the crime itself, rather, he is concerned with the reasons that led to it. Nikita is cut off from the peasant world. Life outside the family, life in the cooperative contributed to the hero's initial moral decline. This is the socio-economic truth. However, further on the author leads the reader and viewer from this socio-economic truth, the truth of gender, to the truth of God's judgment. Akim, who exhibits traits of Russian sanctity (asceticism and foolishness for Christ), becomes the bearer of this truth. Both Nikita's repentance and the peasants' silence is also presented in the context of the myth of the people. Repentance is the first step toward the renewal and purification of the sinner. Thus, in his drama “The Power of Darkness,” Tolstoy does not destroy the myth of the people; he integrates it into the new socio-economic reality of the Russian Empire.

Keywords: Leo Tolstoy, “The Power of Darkness”, axiology, myth, people, truth, holiness

For citation: Sobennikov A. S. A Myth of the People in Leo Tolstoy's Drama “The Power of Darkness”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2026, vol. 24, no. 1, pp. 140–155. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16323. EDN: VZLVAO (In Russ.)

Миф о народе — главный аксиологический миф классической русской литературы XIX–XX вв. Крестьяне Антон Горемыка, Хорь, Калиныч, некрасовский Влас, мужик Марей, солдат Платон Карапаев, крестьяне Г. Успенского и Н. Златовратского — наиболее яркие персонажи этого мифа. Они индивидуальны как характеры, но общи в ценностном аспекте (см.: [Собенников])¹.

Термин «миф» мы рассматриваем в аспекте феноменологии: есть феномен и есть его понимание, интерпретация этого явления. Автор «Мифологии» справедливо полагал: «...мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается...» [Барт: 233].

Однако к концу XIX в. ощущалась некоторая усталость от мифа. Когда появилась повесть А. П. Чехова «Мужики» (1897), С. А. Венгеров заметил: «Такую же неумолимую жесткость Чехов проявил и по отношению к недавнему предмету литературно-общественного идолопоклонства — народу. В русской литературе нет более мрачного изображения крестьянства, чем то зверье, которое Чехов описал в своих знаменитых "Мужиках"»². С Чехова начинается процесс демифологизации, деконструкции мифа о народе. Но «Власть тьмы» была написана Толстым раньше повести Чехова. Крестьянская семья представлена в ней в крайне неприглядном виде: отравление мужа женой, прелюбодеяние, убийство новорожденного ребенка. Можно ли сказать, что и Толстой приложил руку к разрушению мифа о народе? Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Известно, что сюжетом послужило «подлинное судебное дело, которое слушалось в Тульском суде еще в 1880 году. <...> ...во время свадьбы в одной тульской деревне отчим невесты покаялся перед народом в совершенном преступлении. Оказалось, что он соблазнил падчерицу, затем убил ее ребенка» [Полякова: 12]. Но Толстого интересует не само преступление,

¹ П. А. Плютто писал: «В 60-е — 70-е годы XIX века, в период "любви к народу" и "возвращения ему долга", интеллигенция ухитрилась присвоить русскому народу все возможные для человека героические, романтические, библейские и т. д. лучшие качества и свойства, вплоть до тех, которые плохо вяжутся с образом "широких народных масс"» [Плютто: 177].

² Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. С. 128.

а причины, которые к нему привели, и что человек может противопоставить искушению. По словам Л. Д. Опульской, «он вложил в нее все свое великое знание крестьянской жизни, любовь к ее светлым сторонам и сострадание к темным, глубочайшее понимание народного характера, темперамента, психологии, речи пореформенного мужика» [Опульская, 1979: 59]³. Пьеса была напечатана в 1887 г. в издательстве «Посредник» тиражом более 100 000 экземпляров.

Современник Толстого свидетельствовал: «Второе издание этой драмы исчезло из продажи скорее, чем это можно было предположить. Такой громадный спрос на умственную пищу есть наглядный признак того, что обществу не чужда еще правда, которая в таких поразительно живых образах вылилась в произведении Льва Толстого»⁴. О какой правде писал Толстой? Миф о народе в русской литературе в значительной степени определялся этим концептом.

Первая правда — социально-экономическая. Ее мы находим и в пьесе Толстого, и в чеховских «Мужиках», и в «Деревне» Бунина. В трактате «Так что же нам делать?» Толстой писал:

«Богатые люди собираются в городе и там, под охраной власти, спокойно потребляют все, что привезено сюда из деревни. Деревенскому же жителю отчасти необходимо итти туда, где происходит этот неперестающий праздник богачей и потребляется то, что взято у него с тем, чтобы кормиться от тех крох, которые спадут со стола богатых, отчасти же, глядя на беспечную, роскошную и всеми одобряемую и охраняемую жизнь богачей, и самому желательно устроить свою жизнь так, чтобы меньше работать и больше пользоваться трудами других» [Толстой; т. 25: 230].

О необходимости деревенскому жителю идти в город говорилось и в повести Н. Н. Златовратского «Крестьяне-присяжные» (1875):

³ Пьеса была запрещена к постановке. Первый спектакль «состоялся в Петербурге 16 октября [1895 г.] на сцене суворинского Театра Литературно-артистического кружка; 18 октября — в Александринском театре, в бенефис Н. С. Васильевой» [Опульская, 1998: 166].

⁴ Бабкин П. И. О непротивлении злу: по поводу драмы «Власть тьмы» Льва Толстого. СПб.: Типо-лит. П. И. Бабкина, 1896. С. 21.

«Ноне у нас вон где поселенье-то развеселое. Не весело в своих-то отцовских избах! — показал старик по направлению к фабрике. — Где весело!... Виши, она, деревенька-то родная, как замухрилась... — Замухришь! Ноне мы за собой не смотрим... Ноне мы на купцов работники...»⁵.

Вот и у Толстого мы узнаем в первом действии, что Никита «работал на чугунке» в артели. Железная дорога в XIX в. — символ городской цивилизации. Жизнь вне семьи, артельная жизнь, способствовала первому моральному падению героя Толстого. Никита соблазнил сироту Марину и бросил ее. В третьем действии он приезжает из города с новой любовницей — своей падчерицей, «пьяный с мешком и узлом под мышкой и с покупками в бумаге» [Толстой; т. 26: 185]. Идеал Никиты — «пользоваться трудами других».

В третьем действии отец говорит сыну:

«Ты в богатстве, тае, как в сетях. В сетях ты, значит. Ах, Микишка, душа надобна!» [Толстой; т. 26: 197].

И «дурковатую» Акулину в четвертом действии готовы взять в крестьянский дом из-за денег. Кума говорит:

«Да больше за приданым гонятся. Легко ли, дают за девкой-то две шубы, матушка моя, расстегаев шесть, шаль французскую, холстов тоже много что-то да денег, сказывали, две сотни» [Толстой; т. 26: 200].

У Никиты есть старик-работник Митрич, вся мужская работа по крестьянскому дому лежит на нем. Но в первом действии сам Никита был работником у богатого мужика Петра. О значении труда Толстой писал в трактате «В чем моя вера?»:

«Труд есть необходимое условие жизни человека. И труд же дает благо человеку. И потому удержание от других людей плодов своего или чужого труда препятствует благу человека. Отдавание своего труда другим содействует благу человека» [Толстой; т. 23: 431].

⁵ Златовратский Н. Н. Сочинения: [ч. 1–3]. 2-е изд., знач. доп. М.: Типолит. И. Н. Кушнерева и К°, 1884. [Ч. 1]: Крестьянские повести и рассказы (1874–1883). С. 19.

После отмены крепостного права прошло 26 лет, и крестьяне у Толстого уже другие, не такие как у Тургенева в «Записках охотника». Деньги, богатство становятся целью и смыслом жизни. Однако, по мысли Толстого, меняются формы жизни, но человек меняться не должен. М. М. Бахтин заметил: «Деревенский быт Толстому служит лишь для конкретизации "общечеловеческой" и "вневременной" борьбы добра со злом, света с тьмою. Социально-экономический строй и крестьянский быт — вне действия драмы; они не создают конфликтов, движения, борьбы — они, как постоянное давление атмосферы, вовсе не должны ощущаться. Зло, тьма зарождаются в индивидуальной душе, в душе же и разрешаются» [Бахтин: 752].

Вторая правда автора — это вопросы пола. В 80-е гг. XIX в. в России были известны работы Г. Т. Бокля, А. Шопенгауэра, Г. Спенсера, Д. С. Милля, в которых говорилось об основных различиях мужчин и женщин⁶. Были публикации на эту тему и у отечественных исследователей⁷. Сам Толстой считал, что сфера мужчины — это физический и «умственный общественный» труд, а доля женщины — семейный очаг:

«Мужчина для исполнения воли Бога должен служить Ему и в области физического труда, и мысли, и нравственности: он всеми этими делами может исполнить свое назначение.

⁶ См., например: Милль Д. С. Подчиненность женщины / пер. с англ.: с предисл. Ник. Михайловского и прил. писем О. Конта к Д. С. Миллю по жен. вопр. СПб.: Изд. С. В. Звонарева, 1869. 255 с.; Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. 2-е изд. СПб.: Тип. Н. П. Карбасникова, 1878. 323 с.; Бокль Г. Т. Влияние женщин на успехи знания. СПб.: Изд. А. Буйницкого, 1864. 54 с. и др.

⁷ См.: Шкляревский А. С. Об отличительных свойствах мужского и женского типов в приложении к вопросу о высшем образовании женщин. Речь, произнесенная на торжественном акте университета св. Владимира 9 января 1874 года профессором медицинской физики А. Шкляревским. Киев: Унив. тип., 1874. 47 с.; Астафьев П. Е. Психический мир женщины, его особенности, превосходства и недостатки: [с прил. ст.: «Понятие психического ритма】. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1881. 156, 60 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003611581?page=5&rotate=0&theme=white (12.08.2025); Астафьев П. Е. Понятие психического ритма как научное основание психологии полов. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1882. 60 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003594915?page=7&rotate=0&theme=white (12.08.2025); Скальковский К. А. О женщинах: мысли старые и новые. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. 408 с.

Для женщины средства служения Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что кроме нее никто не может этого сделать) — дети» [Толстой; т. 25: 413].

Главная проблема пьесы — это даже не деньги, а пол, взаимоотношения мужчин и женщин, родителей и детей. Сам Толстой писал В. Г. Черткову:

«Чем я занят? — Написал драму на прелюбодеяние. Кажется хорошо» [Толстой; т. 85: 410–411].

Об этом же — эпиграф из Евангелия от Матфея:

«А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геену» (Мф. 5:28–29).

Петр, как известно, — «камень», но он болен, работать не может. В гендерной психологии есть понятие мужской и женской роли, в мужской роли есть «норма твердости» [Берн: 173]. В крестьянской семье — хозяин, мужчина, главное лицо. Но уже в начале первого действия мы видим, что власти у Петра нет. Работник Никита, вместо того чтобы загнать лошадь, «калякает» на улице за углом. И бывший солдат Митрич догадывается о грехе, убийстве новорожденного, но молчит. И только один мужской персонаж соответствует норме — отец Никиты Аким. Когда Никита возвращается домой из города с покупками, он говорит жене *грозно*, играя мужскую роль хозяина:

«Н и к и т а.

Анисья, жена! Кто приехал?

(Анисья взглядывает и отворачивается. Молчит.)

Н и к и т а (*грозно*).

Кто приехал? Аль забыла?

А н и с ь я.

Будет форсить-то. Иди.

Н и к и т а (*еще грознее*).

Кто приехал?

А н и с ь я (*подходит к нему и берет за руку*).

Ну, муж приехал. Иди в избу-то» [Толстой; т. 26: 185].

В этой сцене представлена норма — мужчина должен быть хозяином в крестьянской избе. Жена подыгрывает мужу. Однако в реальной жизни в третьем действии уже жена командует и заставляет мужа совершить грех — убить новорожденного. С точки зрения автора, главная проблема современного брака — забвение евангельской истины. Толстой писал сыну в октябре 1887 г.:

«Так вот я и говорю: людям, собирающимся жениться именно потому, что их жизнь *кажется* им полною, надо больше чем когда-нибудь думать и уяснить себе, во имя чего живет каждый из них» [Толстой; т. 64: 118].

Герои Толстого живут половым инстинктом, они не «думают». После смерти супруги Петр женился на Анисье, которая младше его на десять лет. К моменту начала пьесы он болен, жене опротивел. Она говорит ему (*вдогонку*):

«Гнилой чорт, носастый!» [Толстой; т. 26: 127].

По словам Г. Успенского, Петр «делает первый культурный грех — женится, старый, на молодой девке Анисье; молодая, красивая, работящая Анисья ни во веки веков не шла бы за старика, не польстилась на его хозяйство, если бы только строй народной жизни не был пошатнут и расстроен»⁸. Дочь Петра от первого брака Акулина — «дурковатая». Автор не случайно указывает возраст всех персонажей. Анисья при живом муже становится любовницей Никиты, но она старше Никиты на 9 лет. Акулина же младше Никиты на 9 лет. После смерти Петра Никита женится на Анисье по расчету, а не по любви. Жена наследует имущество и деньги «богатого мужика». Но и дочь Петра от первого брака тоже имеет право на наследство. В третьем действии Акулина говорит Никите:

⁸ Успенский Г. Мы // Русские Ведомости. 1887. № 86. 29 марта. С. 2.

«Любил? Есть кого любить, толстомордую-то. Бросил бы ее тогда, ничего б не было. Согнал бы ее к черту. А дом все равно мой и деньги мои» [Толстой: т. 26: 193].

Взаимная вражда Анисы и Акулины кроме денежного интереса объясняется *взаимоотношениями полов*. Шопенгауэр так писал об этом: «В отношениях между мужчинами самой природой установлено равнодушие, а между женщинами — враждебность⁹. Враждебность объясняется соперничеством. Половой инстинкт приводит к тому, что «дурковатая» дочь Петра становится любовницей Никиты и беременеет от него. Герберт Спенсер, работы которого были известны Толстому, заметил: «Всякий знает случаи, когда телесная красота, при отсутствии всяких других совершенств, возбуждала все нис-провергающую страсть <...>. Факт тот, что при возбуждении любви первое место занимает физическая привлекательность, затем нравственные совершенства, а ум только на третьем месте»¹⁰.

Поэтому «дурковатость» Акулины не мешает Никите. Убийство новорожденного в пятом действии — кульминация правды пола, «страсть превращается в страшную неконтролируемую силу, инициирующую преступление и влекущую к гибели» [Нагина, Толстолуцкая: 143]. Она приводит к моральному кризису и покаянию Никиты. В нравственно-философском конфликте у Толстого сталкиваются Божья правда и правда пола. «Коготок увяз» — это артельная жизнь Никиты и Мариной, убийство ребенка — «всей птичке пропасть» [Толстой: т. 26: 242]. Сам автор хорошо знал страшную силу пола, которую и показал не только в этой пьесе, но и в «Дьяволе», в «Анне Карениной», в «Крейцеровой сонате». «Но по самому Толстому видно, что Эрос — субстанция Абсолюта, страшная, мета-физическая, а что Любовь — перед этим? Так, сироп... <...>. Да, грознейший бог — вожделение пола. И Бог, которого все искал Толстой, — не эта ли самая ширма-заслонка, крышка гроба, какой укрыться от...?» — спрашивал Г. Гачев [Гачев: 40].

Особая роль на фабульно-сюжетном уровне отведена матери Никиты. Современник Толстого говорил о «преступной

⁹ Шопенгауэр А. О женщинах. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1900. С. 16.

¹⁰ Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. С. 318–319.

и злой натуре Матрены»¹¹. Другой современник счел, что «мать Никиты, Матрена, поставлена в пьесе недостаточно определено и ясно»¹². Однако Матреной движет материнский инстинкт, сильнейший у женщины. Никита — единственный ребенок в семье, и вся женская энергия героини направлена на него. Толстой писал о материнской любви:

«И потому любовь к *своим* детям, вложенная в женщину, исключительная любовь, с которой совершенно напрасно бороться рассудочно, всегда будет и должна быть свойственна женщине-матери» [Толстой; т. 25: 413].

Критик Л. Оболенский справедливо заметил: «Итак, первый росток драмы вовсе не в Никите, а в желании его матери видеть своего сына богатым и хорошо пристроенным, т. е. вовсе не в каком-нибудь специфически-злодейском желании, а в очень прекрасном чувстве материнской любви, но только любви, не просветленной более высоким моральным чувством»¹³.

К страшному греху — убийству невинного младенца — приводит «исключительная любовь» к сыну. Обратим внимание и на такую деталь: в крестьянских семьях, как правило, было много детей, у Акима и Матрены Никита — единственный ребенок. Это, конечно же, не случайно. Вся женская материнская энергия любви не имеет другого адресата. Уже в первом действии мать оправдывает сына, когда он обнимает Анисью. Ремарка автора: «входит и долго крестится на образа». Когда Никита и Анисья «отстраняются друг от друга», Матрена говорит:

«А я что и видела, не видала, что и слышала, не слыхала. С бабочкой поиграл, — что ж? И теленок, ведашь, и тот играет. Отчего не поиграть? — дело молодое» [Толстой; т. 26: 130].

Божья заповедь «Не прелюбодействуй» легко ею обходится.

¹¹ Бабкин П. И. О непротивлении злу. С. 50.

¹² Буренин В. П. Критические этюды. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888. С. 209.

¹³ Оболенский Л. Психология и мораль в новой драме Л. Толстого (Критический этюд) // Русское богатство. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1887. № 3. С. 137–138.

Матрена нарушает и другую заповедь — «Не убий!». Она приносит Анисье порошок и говорит:

«А ты, ягодка, потеснее держи, чтоб люди не знали. А коли что, помилуй Бог, коснется, от тараканов мол...» [Толстой; т. 26: 135].

И не забывает взять за порошок «рублевку». Матрена всю энергию направляет на то, чтобы после смерти хозяина ее сын, работник, завладел его имуществом. Она загодя узнает у знающего человека юридическую сторону вопроса:

«Первым делом, говорит, надо твоему сыночку в ту деревню приписаться. На это денежки нужно, — старииков попоить. Они, значит, и руки приложат. Всё, говорит, надо с умом делать. Глянька сюда (*достает из платка бумагу*). Вот и бумагу отписал, почитай-ка, ведь ты дошлый» [Толстой; т. 26: 168].

Современники Толстого именно практичность считали основой женского характера. «Превосходство женского ума и воли в непосредственно-практической жизни над мужскими издавна считается несомненно-признанным», — писал П. Е. Астафьев¹⁴.

В четвертом действии мать понуждает сына убить ребенка, так как Акулину с ребенком замуж не возьмут. Матрена говорит сыну:

«Э, живая душа! Чего там, чуть душа держится. А куда его деть-то? Поди, понеси в воспитательный, — всё одно помрет, а помольвка пойдет, сейчас расславят, и сядет у нас девка на руках» [Толстой; т. 26: 206].

Главный грех Никиты в аспекте правды пола тот, что не он, мужчина, решает экзистенциальные проблемы. За него решают женщины — мать и жена. После убийства собственного ребенка Никита говорит матери:

«Матушка, родимая, дошло, видно, до меня. Что вы со мной сделали? Как захрустят эти косточки, да как запишт!.. Матушка родимая, что вы со мной сделали!» [Толстой; т. 26: 212].

¹⁴ Астафьев П. Е. Психический мир женщины... С. 71.

Убийство открывает перед героем экзистенциальный ужас, ему кажется, что ребенок все еще жив.

«Н и к и т а (сидит, закрыв лицо руками.
Митрич и Анютка замерли).

Пищит, право пищит, во, во... внятно. Зароет она его, право зароет! (Бежит в дверь.) Матушка, не зарывай, живой он...» [Толстой; т. 26: 223].

Десятилетняя Анютка потрясена, она кричит Митричу:

«Дедушка, золотой! Хватает меня ктой-то за плечушки, хватает ктой-то, лапами хватает» [Толстой; т. 26: 224].

Но «хватать» мог только черт, он и привиделся ребенку.

Ребенок и старик выступают у Толстого носителями третьей, высшей правды — правды Божьего суда. «Одним словом, должно признать, Толстому в лице Акима удалось блестящим образом показать всю громадную величину значения истины и правды — все облагораживающей и очищающей», — писал современник Толстого¹⁵. И. Милютин заметил: «В нем мы видим живой образец того простого сердечного верующего человека, каковыми во все времена отличалась русская земля»¹⁶.

В социальном плане Аким находится в самом низу — он золотарь в городе, бедный крестьянин в деревне. В связи с образом Акима можно говорить об аскезе. Ее целью, как известно, является спасение мира. Косноязычие Акима — прием автора, который боится риторического высказывания, риторических фигур речи. Но косноязычие может быть отсылкой и к юродству как форме русской святыни. К. Н. Ломунов говорил о близости Акима и Платона Каратаева, «оба они одной, юродствующей породы» [Ломунов: 132]. Для автора важнее слова — дело, т. е. жизнь Акима. В первом действии Аким пытается женить сына на Марине и тем загладить грех:

«А Бог-то, Бог! Разве она не человек, девка-то? Значит тоже, тае, Богу-то она человек» [Толстой; т. 26: 138].

¹⁵ В. Л-тин. Не безнравственное ли впечатление производит «Власть тьмы» графа Толстого на «серую публику»? СПб.: Типо-лит. И. Рапопорта, 1896. С. 6.

¹⁶ Милютин И. А. Водоворот. Думы и темы по поводу др. «Власть тьмы» Л. Н. Толстого. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1888. С. 11.

Власть золотого тельца Аким не признает. «В богатстве-то избалуется человек», — говорит он [Толстой; т. 26: 180]. По Толстому, могут меняться внешние формы жизни, но духовная жизнь человека меняться не должна: «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10:39). Жить на проценты от банка, считает Аким, — грех:

«Это, тае, не по закону, не по закону, значит. Скверность это» [Толстой; т. 26: 182].

В третьем действии Аким приходит к сыну за деньгами на покупку лошади и не берет их, узнав о связи Никиты с падчерицей:

«Не могу, значит, тае, брать и не могу, тае, говорить с тобой, значит. Потому в тебе, тае, образа нет, значит» [Толстой; т. 26: 189].

Близкие Акима живут телесными радостями, Аким же все время напоминает о душе. Сыну он говорит:

«Ты в богатстве, тае, как в сетях. В сетях ты, значит. Ах, Микишка, душа надобна!» [Толстой; т. 26: 197].

В конце жизни Толстой так сформулировал эту необходимость:

«Что же может понять человек? А одно то, для чего не нужно ни места, ни времени, — свою душу» [Толстой; т. 45: 34].

После встречи с Мариной у Никиты болит душа, он «сам себе опостылел» [Толстой; т. 26: 229]. Все его действия *после* — это пробудившаяся совесть, которая помогает ему «понять свою душу». Когда его зовут благословлять молодых, он отвечает:

«Да кого благословлять-то буду? Что я с ней сделал?» [Толстой; т. 26: 233].

Совесть заставляет его признаться в отравлении Петра, т. е. он берет на себя грех Анисьи. Автор не дает нам бесспорных улик против Анисьи и Никиты. Возможно, Анисья и не прибегала к помощи яда, ее муж был смертельно болен и умер своей смертью. Признается он и в убийстве ребенка. Никита просит прощения у народа: «Прости меня, мир Православный! (Кланяется в землю.)» [Толстой; т. 26: 242].

В аспекте аксиологии следует особое внимание уделить словам Акима, обращенным к Никите:

«Бог простит, дитятко родимое. (Обнимает его.) Себя не пожалел, Он тебя пожалеет. Бог-то, Бог-то! Он во!..» [Толстой; т. 26: 242].

Божья правда, по Толстому, — главная в жизни отдельного человека и в жизни народа. *Молчание* крестьян поэтому не случайно. Оно напоминает пушкинское «Народ безмолствует» в «Борисе Годунове». У Толстого, как и у Пушкина, убийство ребенка — страшный грех, который нельзя отмолить. Покаяние грешника имеет в русской литературе свою традицию. Можно вспомнить некрасовского Власа, роман Достоевского «Преступление и Наказание»; да и Позднышев в «Крейцеровой сонате» Толстого перерождается для новой жизни. Покаяние — первый шаг к обновлению и очищению грешника.

В драме «Власть тьмы» Толстой не разрушает миф о народе, он встраивает его в новую социально-экономическую реальность Российской империи. Божья правда — это аксиологический центр мифа о народе. Именно она довлеет над правдой социально-экономической или правдой пола у Толстого, именно она дана автором в finale в качестве морального императива.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., [вступ. ст. и comment.] С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 314 с.
2. Бахтин М. М. Предисловие (1929). Драматические произведения Л. Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra: личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 747–755. (Сер.: Русский путь.) EDN: HRDGYT
3. Берн Ш. Гендерная психология: законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм-ЕвроЗнак, 2008. 318 с. (Сер.: Научный бестселлер.)
4. Гачев Г. Д. С Толстым встреча через век: исповедь. М.: Вузовская книга, 1999. 108 с.
5. Ломунов К. Н. Драматургия Л. Н. Толстого. М.: Искусство, 1956. 467 с.
6. Нагина К. А., Толстолуцкая Т. Г. Спасение любовью: инверсия любовного сюжета в драматических произведениях Л. Н. Толстого // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 3. С. 137–149 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80461337_81986215.pdf (12.08.2025). DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-137-149. EDN: KKGWD
7. Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979. 285 с.
8. Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М.: Наследие, 1998. 405 с.

9. Плютто П. А. Исследование реальности социокультурного виртуального: опыт анализа социокультурных иллюзий. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 368 с.
10. Полякова Е. И. Театр Л. Н. Толстого. Некоторые проблемы сценического воплощения произведений Льва Толстого. М.: ВТО, 1978. 80 с. (Сер.: Материал в помощь докладчикам / Всерос. театр. о-во.)
11. Собенников А. С. Мифы русской литературы. История. Поэт. Россия. Народ. СПб.: Росток, 2024. 264 с.
12. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1958.

References

1. Barthes R. *Mifologii [Mythologies]*. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovych Publ., 2004. 314 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Preface (1929). Dramatic Works of L. Tolstoy. In: *L. N. Tolstoy: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovatelyey: antologiya* [L. N. Tolstoy: Pro et Contra: The Personality and Work of Leo Tolstoy as Evaluated by Russian Thinkers and Researchers: an Anthology]. St. Petersburg, The Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2000, pp. 747–755. (Ser.: The Russian Way.) EDN: HRDGYT (In Russ.)
3. Burn Sh. *Gendernaya psichologiya: zakony muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Gender Psychology: Laws of Male and Female Behavior]. St. Petersburg, Praym-Evroznak Publ., 2008. 318 p. (Ser.: Scientific Bestseller.) (In Russ.)
4. Gachev G. D. *S Tolstym vstrecha cherez vek: ispoved'* [Meeting with Tolstoy a Century Later: Confession]. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 1999. 108 p. (In Russ.)
5. Lomunov K. N. *Dramaturgiya L. N. Tolstogo* [Dramaturgy of L. N. Tolstoy]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1956. 467 p. (In Russ.)
6. Nagina K. A., Tolstolutskaya T. G. Salvation by Love: Inversion of the Love Plot in the Dramatic Works of L. N. Tolstoy. In: *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices and Interpretations: a Journal of Philology, Teaching, and Cultural Studies], 2024, vol. 9, no. 3, pp. 137–149. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80461337_81986215.pdf (accessed on August 12, 2025). DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-137-149. EDN: KKKGWD (In Russ.)
7. Opul'skaya L. D. *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografi i s 1886 po 1892 god* [Leo Nikolaevich Tolstoy. Materials for a Biography from 1886 to 1892]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 285 p. (In Russ.)
8. Opul'skaya L. D. *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografi i s 1892 po 1899 god* [Leo Nikolaevich Tolstoy. Materials for a Biography from 1892 to 1899]. Moscow, Nasledie Publ., 1998. 405 p. (In Russ.)
9. Plyutto P. A. *Issledovanie real'nosti sotsiokul'turnogo virtual'nogo: opyt analiza sotsiokul'turnykh illyuziy* [Research into the Reality of the Sociocultural Virtual: an Attempt to Analyze Sociocultural Illusions]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2014. 368 p. (In Russ.)

10. Polyakova E. I. *Teatr L. N. Tolstogo. Nekotorye problemy stsenicheskogo voploschcheniya proizvedeniy L'va Tolstogo* [The Theatre of Leo Tolstoy. Some Problems of the Stage Adaptations of Leo Tolstoy's Works]. Moscow, Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1978. 80 p. (Ser.: Material to Help Speakers / All-Russian Theatre Society.) (In Russ.)
11. Sobennikov A. S. *Mify russkoy literatury. Istorya. Poet. Rossiya. Narod* [Myths of Russian Literature. History. Poet. Russia. People]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024. 264 p. (In Russ.)
12. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [The Complete Works: in 90 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1928–1958. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Собеников Анатолий Самуилович, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8202-4043>; e-mail: assoben52@mail.ru.

Anatoly S. Sobennikov, PhD (Philology), Professor, Independent Researcher (Saint Petersburg, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8202-4043>; e-mail: assoben52@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.11.2025

Принята к публикации / Accepted 20.11.2025

Дата публикации / Date of publication 02.02.2026